
Наташа ФИЛИМОШКИНА

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Рассказ

Народ, переставший гордиться прошлым, забывший прошлое, не будет понимать и настоящего. Он станет равнодушным ко всему, отупеет и в конце концов превратится в стадо скотов.

Меморандум СНБ 20/1 (США)

Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Россия будет раздробленной и под опекой.

*Бжезинский. Выбор. Мировое господство
или глобальное лидерство*

Бывший город Бердск, а ныне город № 24 просыпался медленно. Муниципальные автобусы (грязные снаружи и вонючие внутри) ездили вразнобой, большая часть предприятий уже была вырезана на металлолом, так что рабочим некуда было спешить, а новые хозяева жизни славились ленью. Модные и дорогие авто заполняли центр города только к полудню.

— Купите жареных колорадов! Купите жареных колорадов! — мальчишка пристал к сонному и хмурому Денису, тыча ему в лицо овощные шашлыки на тонкой острой палочке.

— Отвали! — грубо оскалился Денис.

Мальчишка нехорошо зыркнул.

— Вот скажу сотнику Мыколе, что ты не хочешь жрать колорадов!

— Вали, я сказал!

Мальчишка убежал. Денис решил оставить центральный район и поискать еду и деньги в спальном районе. Все знали: сотник Мыкола — редкостная с...ка. Второй человек национальной полиции города № 24.

По дороге Денис тщательно осматривал мусорные баки, ему нужна была хоть какая-нибудь обувь — кеды или ботинки, тогда существование станет более-менее сносным. В шлепанцах становилось совсем уж холодно. Осень приближалась мягко и ка-

---

Наташа Филимошкина родилась в г. Печоре, Республика Коми. Окончила Днепрпетровский национальный университет, историк и практический психолог. Публиковалась в журналах «Слово/Word» (США), «Новый берег», «Уральский следопыт», «Урал», «Литературная Россия», альманах «Вайнах» (Чечня), «Новый современник», Litera_Dnepr, New Scientist RU, «Роман-газета», «Родная Ладога», «Балтика», «Литературная учеба». Участник Форума молодых писателей России и зарубежья, Москва, Липки (2009–2012). Живет на Украине, в Днепрпетровске.

залась покладистой, но по прошлогоднему горькому опыту Денис знал: все обманчиво. Теперь кругом был обман: в природе, людях, жизни. А заморозки неизбежны. Но ни один богач не выбросил обуви. И это было скверно.

Подойдя к КПП, отделявший центральный район от спального, Денис показал документ, на нем стояла четкая и аккуратная печать, а чуть выше красовалось заветное слово «благонадежный». Это значило — он прошел все государственные проверки, доказал лояльность режиму, солидарность новой власти и, случайно обнаружив советского, а в простонародье рашиста, с радостью сдал бы его в руки правосудия. Раньше, конечно, говорили — русского. Но с 1 июля вступил запрет на слово «Россия» и все от него производные.

Два крепко сбитых латыша презрительно осмотрели Дениса. Один не смог сдержать переполнявшие его чувства и с удовольствием харкнул Денису на ноги. Оба заржали.

— Проходи, быдло. Твой лимит на посещение центрального района исчерпан.

— Какой лимит?

— Вчера приняли постановление. Читать, что пишут на столбах, надо!

— Извините, я обязательно буду читать.

— То-то же! — латыш поучительно поднял палец кверху. — Теперь раз в месяц можно ходить в центр. Усек?

— Усек. Но ведь я истинный гражданин, у меня документы...

— Ты говно второго сорта! — и чтобы поставить жирную точку, латыш замахнул дубинкой и крепко приложился к худой спине Дениса. Тот упал, но быстро поднявшись, тяжело вздохнул.

— Спасибо.

Латыши опять довольно заржали.

Денис медленно брел по узкому переулку к окраине. Это еще он хорошо отделался. В прошлый раз его пинали ногами и заставляли пить мочу. Ему реально повезло.

На окраине, как всегда, было шумно, движняк здесь стоял в любое время суток. На месте бывшей фабрики раскинулся рынок — торговали всем, чем только можно было, от наркотиков и оружия до спичек и зажигалок. Кто-то умудрился продавать в консервных банках даже совесть Горбачева и последнего рашистского президента. Голь на выдумки хитра! Здесь собирались городская братва, гопники, проститутки, местные, которым некуда было податься, и те, для которых рынок стал средоточием жизни и единственным маяком, которого следовало держаться. Кто-то отводил душу за разговорами, кто-то за халявой, кто-то за воровством или хулиганством, каждому находилось занятие.

Денис сразу увидел кроссовки, но стоили они бешеные деньги — три миллиона рублей! Надо было подумать, где и как их достать. Проще было украсть, но он пока не освоил это ремесло в полной мере, так, чтобы не попадаться.

Денис присел возле какого-то оборванного и грязного старика, шамкавшего губами. Он присматривался к рыночной жизни, к заваленным всяким хламом торговым местам, продавцам и покупателям. Возможно, он увидит то, что ему нужно, раньше конкурентов, круживших между рядами и огромными мусорными кучами, которые месяцами не вывозились и растаскивались по рынку, или, как и он, сидевших в стороне в ожидании очередного лоха.

Рядом старик без усталости что-то бубнил себе под нос. Денис не выдержал, наклонился к нему, спросил:

— Чего говоришь, отец?

Старик поднял осунувшееся голодное лицо, в выцветших от слез и безысходности глазах плескалось столько отчаяния, что у Дениса предательски запершило в горле.

— Сынок... как же... как же это все случилось с нами? Почему с нами? Что? Что мы делали не так?

Денис осмотрелся по сторонам. Все знали, что у сотника Мыколы тысячи стукачей, а старик-то явно еще советский. Его, конечно, никто не заставлял отвечать, он поднялся, чтобы пересесть на другое место, подальше от беды, как говорится. Но не сдержался и, наклонившись к уху старика, злобно прошипел:

— На ж... не надо было сидеть! Под партнеров ложиться не надо было, а свое защищать!

Презрительно сплюнув, Денис отошел. Новое место оказалось лучше, да еще под огромным агитационным плакатом: *«Советский народ — народ-поработитель и народ-убийца. В советских тюрьмах сгнили миллиарды честных и свободных людей. На советских заводах и предприятиях, в школах и садиках угнеталось стремление к демократии. Теперь оковы сброшены. Народ-убийца повержен. Ты свободен!»*

— Слышь, мужик, — к Денису подошел долговязый пацан, — талоны на Интернет возьмешь?

— Ух ты, а где достал?

— Где достал, больше нет.

— А у меня бабла нет.

— Так бы сразу и сказал, — обиженно протянул пацан.

— Но я знаю чувака, который может у тебя купить. На сколько хоть талоны?

— Сто гик.

Денис завистливо присвистнул. В прошлой жизни у него были и ноутбук, и айфон, и безлимитный трафик, но с 1 января истинным гражданам Интернет не полагался, а на всякие компьютеры и телефоны уже денег не было. Богачи, конечно, жили по другим законам.

— Запомнишь?

— Ага.

— Угол Пятьдесят Седьмой и Тридцать Восьмой улиц, на третьем этаже, там только две квартиры. Спросишь Олега. Что непонятного?

Пацан щурился, явно пытаясь что-то вспомнить.

— Я не понял, где эти улицы. Помнишь их бывшие названия?

— Твою мать! Может, ты стукачок?

— Да не стукач я! Ну реально не понял, где это Пятьдесят Седьмая и Тридцать Восьмая?

Денис, а вместе с ним и пацан оглянулись по сторонам.

— Угол Большевикской и Парижской Коммуны.

— Точно! — пацан хлопнул себя по лбу. — Замахали своей декоммунизацией! Такого наворотили с названиями. Я в родном городе теперь не пойму где и что.

— Да не ори ты так, — одернул пацана Денис. — Тебя как зовут?

— Тёма.

— Ну, дерзай, Тёма. Хорошего тебе заработка.

Пацан счастливо улыбнулся, лицо его стало добрым и наивным. Он явно еще хотел что-то сказать.

— Ну чего?

Тёма быстро зашептал:

— Ходят слухи, что наши за Кемерово собираются. Скоро сюда придут.

Было видно, что от радости Тёма готов из трусов выпрыгнуть.

— Слушай, пацан, никто никуда не придет, и никто никого не спасет. Все кончилось. Выброси этот бред из своей тупой башки и смотри за такой базар на сотника не нарвись.

Тёма с таким сожалением смотрел на Дениса, словно тот был тяжелобольным и жить ему осталось часа два.

— А я верю. Наши все равно вернуться, даже если я буду их один встречать.

— Ты не видел, как в Екатеринбурге танки людей давили, а в Белгороде администрацию сжигали?

— Все равно верю. Верю!

— Как знаешь, — Денис устало махнул рукой. Такие дурачки казались ему редким вымирающим видом существ, чудом сохранившиеся после катастрофы. Стучать на них было жалко.

На том и расстались.

Наконец-то привезли гуманитарную помощь. Именно на нее Денис и рассчитывал. На кузове фургона гордо развевался американский флаг.

Активно работая локтями, Денис оказался в первых рядах. Упитанный маленький мужичонка не спеша открыл фургон, нацгвардия сдерживала самых нетерпеливых

— Свободные граждане, — обратился к толпе мужичонка, — наш большой и верный друг Америка прислала вам помощь. Американский президент заботится о вас. Он знает о вашей борьбе за демократию и о том, что вы наконец-то сбросили оковы тысячелетнего рабства и тоталитаризма. Рашке конец! — Толпа восторженно взревели. — Кончился советский народ, есть свободные граждане. Убей в себе москаля, — визгливо закричал мужичонка.

— Убей в себе москаля! Убей в себе москаля! — скандировали сотни глоток.

После разъяснения политических нюансов в дело вступила нацгвардия.

— В очередь, быдло!

Денис вырвал из рук мужичонки заветную гуманитарную помощь — покрытое плесенью американское галетное печенье и двенадцать засохших булочек. Он тут же все это продал за три с половиной миллиона рублей и купил себе кроссовки. Но душа вошла в праздник. За восемьсот тысяч он продал и шлепанцы. На руках появились деньги — миллион триста тысяч! Денис решил на хороший обед. Кто знает, что случится с ним в ночлежке и будет ли у него завтра? Что ни ночь, то убийства.

Идя в закусную, Денис внимательно читал красочные яркие плакаты, они были вместо новостей, в ночлежке уже два месяца не работал телевизор. А пропаганда отражала курс властей в туманное будущее. «Помни, гражданин, Америка освободила тебя от тысячелетнего рабства», «Увидел рашиста — сдай в полицию», «Твои родители ведут странные разговоры, они недовольны — звони в полицию и получи награду», «Смерть рашистским оккупантам», «Наша идеология — новая раса».

Завернув за угол, Денис почувствовал, как от страха по спине забегали холодные мурашки. Возле закусной стоял сотник Мыкола со своими ручными отморозками. На асфальте лежали шесть обугленных трупов. Их стали закидывать в только что подъехавший грузовик. Его заметили сразу, и сворачивать было поздно. Нацепив на лицо глупую улыбочку, Денис как ни в чем не бывало подошел к закусной.

Сотник Мыкола, коренастый мужик с кривыми ногами из Мариуполя, пронзительно буравил его взглядом. Денис, конечно, не верил в свою удачу, но надеялся, что пронесет. Он уже собирался войти в зал с вкусными ароматами, но почувствовал — достанут.

— Стоять, — хрипло приказал Мыкола.

Денис развернулся и тупо уставился на сотника.

— Як обстановка? — ласково протянул сотник. Он не знал ни русского, ни украинского, а вот суржиком владел сносно. Несмотря на сильное гэкание и намеренное перекручивание слов, местные его понимали.

— Все замечательно. Меня все устраивает.

— Ты из двенадцатой ночлежки?

— Да.

— И шо кажуть?

Денис пожал плечами.

— Ничего не говорят. Что пожрать думают и где деньги раздобыть.

— Цэ гарно. Савецкому быдлу нефиг думать.

— Мы больше не советские, мы свободные граждане.

— Та ну! — Мыкола веселился. — Я вас, савецких, чую. Видишь оцых, — сотник указал на обугленные трупы в грузовике, — возмущались чымось. Балакалы, че это мы у них квартиры ришылы реквизиловать. Балакалы, шо при савецкой власти ее получылы и не нам ее реквизиловать. Много чего балакалы, пришлось врозумыты их.

— Вы правильно с ними поступили, — быстро заговорил Денис. — Мы жили в рабстве, нас угнетали с детского садика, даже голодомор заставили устроить великой европейской Украине. Простите нас.

— Молодчина хлопчык, — грязной широкой ладонью сотник схватил Дениса за горло. — Мы теперь хозяева жызни, — говорил он тихо, ласково, убедительно, но во всем его неряшливом виде сквозила смертельная угроза. — Мы победили савецких, живьем в землю врыли. Нэ було ниякого Савецкого Союза. Понял? Кончилась Рашка! Понял?

— Конечно, — прохрипел Денис, — спасибо, что Америка и весь мир помогли нам образумиться.

Никто не мог объяснить, почему демократическое временное правительство называло местное население советским и почему на каждом углу орали о борьбе с Советским Союзом, который благополучно был разрушен уже как десятки лет назад. Все это папахивало шизофренией, и с какого-то момента в Денисе стало развиваться чувство, что он живет в психиатрической больнице, из которой куда ни сбежишь, попадешь в точно такую же.

Сотник заулыбался, отпустил горло.

— А Бандеру уважаешь?

— Он мой герой. У меня даже портрет его есть, только он в ночлежке остался.

— А гимн нашей нэньки знаешь?

— Разучиваю.

— А шо так? Слабо вывчыть за рик?

Денис лихорадочно соображал.

— Понимаете, там такие красивые слова, хочется без акцента их петь.

— Ото ж, з намы увэсь свит, — сотник вытащил из кармана штанов сигареты, добродушно предложил Денису. — Правыльна була вийна проты савецких, як Бандера й завещал. Жаль, шо амерыканський президент так довго тягнув. Мабуть за яйца тягнув.

Сотник заржал.

— Мыкола, ну ты скоро? — из машины высунулась бритая голова.

— Щас. Дай з людыною побалакать. Если че почувеш, мигом ко мне.

— Понял.

— Я ведь не тики Майдан и Донбасс пройшов, я и Белгород и Йкатеренбурх пройшов. У меня чуйка, смекаешь? Якась рашистка гнида тута завелась. Видимо, не усих савецких мы пожгли.

— Понял. В оба буду смотреть.

...Первым делом Денис забежал в туалет, облегчился, отдышался, затем вышел в зал и выбрал дальний столик. Неужто тот пацан прав оказался? Верить в то, что где-то кто-то сопротивляется, он запретил себе сразу. Но надежда уже бросила слабый рюк. Только бы он ни за что не зацепился, только бы не начал набирать силу.

Несмотря на пережитое, аппетит у Дениса был хороший: горячий борщ с мясом, пюре с жареной рыбой, салатик, компот из сухофруктов, три куса свежайшего хлеба. Никакие убийства или обугленные трупы, угрозы сотника не могли заставить его отказаться от наслаждения едой — вкусной, горячей, настоящей! Ночлежная баланда

и рядом не стояла! Он давно понял: выживет тот, кто научится мгновенно забывать любой происходящий вокруг ужас. Не думать, не рефлексировать, не анализировать — вот три его главных правила!

За обед Денис заплатил четыреста пятьдесят тысяч и уже собирался выйти, но тут зафырчал приемник, и все посетители, как по команде, встали, вытянулись, с благостным выражением лица вслушиваясь в слова диктора.

— *«Как ненужный пережиток советской и рашистской эпохи четвертый энергоблок атомной электростанции Пятнадцатого города был взорван. Остальные энергоблоки остановлены и также подлежат ликвидации. Полтора миллиона неблагонадежных уничтожено, все свободные граждане живы и здоровы. Наконец-то наши граждане получили еще один вид долгожданной демократической свободы — от электричества! А сейчас реклама».*

Денис растерянно переглядывался с посетителями. У всех было выражение забитости и страшного отчаяния, которое ни с кем нельзя было разделить. По залу испуганно шелестело:

— Что это за Пятнадцатый город?

— Ростов-на-Дону.

Денис быстро взял себя в руки, натянув на лицо тупое дежурное выражение. Здесь явно были стукачи нацполиции, иначе зачем по радио такое объявление давать, ищут неблагонадежных.

Выйдя из кафе, Денис немного постоял. Не думать, не рефлексировать, не анализировать — это святые правила. Но помимо его воли в душу прорывались воспоминания о светлом, радостном, большом городе, в котором он отдыхал у бабушки.

На улице чувствовалась осенняя прохлада. Заморозки близко.

На следующем перекрестке стояла огромная зеленая палатка. Денис из любопытства решил подойти, к нему радостно подскочила тетка.

— Молодой человек, подпишите требование. За это гречка полагается, — многообещающе заверила она.

— Что за требование?

— О закрытии Института медицинской биотехнологии как совкового и рашистского пережитка. Это советские дебилы пахали, а мы, слава богу, свободные. Нас весь мир поддерживает!

Денис какое-то время смотрел на тетку. У него и слов-то никаких не было. У него вообще уже ничего не было — ни квартиры, реквизированной год назад, ни работы, предприятие давно распилили, ни будущего, ни души, ни сердца.

— Да, наконец-то мы свободные, — устало произнес он, подписывая требование и получая заветный килограмм гречки. Варить ее было негде и не на чем, на рынке гречка легко ушла за полтора миллиона рублей.

Сидя под стеной дома, Денис наблюдал за дневной рыночной жизнью. Вот странно, многие должны уже от голода пухнуть. Но нет! Снуют туда-сюда, туда-сюда. И богачей предостаточно, но они в основном тусовались в центральном районе, там были рестораны, ночные клубы и даже сохранился один кинотеатр. В общей массе народец пообносился, обеднел. Гнилья в народце много оказалось, зассал народец, когда настало время X. Вот теперь пусть и хлебают горькие щи. Только лохи за таких расписываются. Он не такой, он не вступится. Давай росток надежды, вырывайся. Правильно, что взорвали атомку, правильно, что режут заводы, мать их... Денис закашлялся от подавленных слез. И вдруг ему захотелось вывалить всю свою душу, зарать отчаянно, завить по-звериному...

— Парень, ты чего? — седовласый мужик с большими грустными глазами больно толкнул его в грудь. — Под дурью, что ли?

Денис кивнул.

— Так и мне продай. Боженька завещал делиться с ближним.

— Нет больше, все использовал.

— Эх ты, тютя-матютя, — неожиданно сказал мужик.

Окончательно протрезвев душой, Денис глянул на мир и понял, все, что он может — плыть какашкой по реке, дай бог, не потонет, а может, и к берегу прибьется.

Дело шло к четырем часам. Денис удачно сторговал осеннюю куртку. Несмотря на разного рода волнения, день оказался везучим. Он еще надумал побродить по рынку, авось что приглянется. Денис, конечно, решил так по привычке, он давно был лишен быта, а из собственности — грязный, вонючий матрац в ночлежке, как и у большей части населения в городе. Но уж очень захотелось прикинуться, что та прежняя жизнь никуда не делась.

Все новости теперь узнавались на рынке. Цены на газеты взлетели до небес — они были доступны богачам и политикам. Хотя в принципе и в них скоро надобность отпадет.

— Слыхала, Митрофановна, в школах отменили чтение и счет.

— И как теперь детям?

— Сказали, только четыре класса, а потом сразу на работу.

— На какую? Заводы то тютя-тютя.

— Ты чего! А сколько олигархов у нас сейчас, каждому дворец, дачу построить. Всегда работа найдется.

— Так у нас будет Сибирская республика или нет? Слышь, Петрович, будет или нет?

— Та мне откуда знать! Все ж теперь временное демократическое правительство решает.

— Вы еще рубли принимаете? А то, говорят, скоро новые деньги введут.

— Все наши песни запретили. Все. Так что ж нам теперь — и не петь?

— Мужик! Это у тебя чего? Пушкин. Ты что, офонарел! В лагерь захотел? А ну выкинь или сожги. Нет больше Пушкина, понял? И правильно сделали, что запретили, нефиг всякую хрень читать.

— Говорят, отменят теперь ночные поезда, мол, в Европе так не принято.

— И как теперь добираться?

— Днем поезд будет идти, а ночью на станции стоять.

— И чего, теперь неделями добираться?

— Может, и месяцами. Все новые составы на металлолом уже сдали. А на дорогу поставят давно списанные. Да и дороги пока между областными центрами оставят, а остальное разберут. Вот и думай, как теперь ездить. Никак.

Уже на выходе из рынка Денис опять столкнулся с мужиком, который про дурь спрашивал. И вдруг вспомнил, что знает его. Мужик был из неблагонадежных, бывший батюшка. После запрета православия, поджога и отъема церковью в приходы других конфессий он умудрялся какое-то время нести службу в подпольной церкви. За что две недели провел в подвале нацполиции. Вышел оттуда калекой и наркоманом.

Денис пошел вниз по улице. Подойдя к КПП, стоявшему на выезде из города, показал документ о благонадежности. Смена попалась почти хорошая, украинская.

— Кто я? — вальяжно спросил дежурный, цыкнув слюной сквозь зубы.

— Хозяин жизни и мой господин, — заученно ответил Денис.

— Ты гляди, — украинец добродушно улыбался, — от хитрые савецкие с...

— Я не советский. Я истинный гражданин.

Из здания вышел второй дежурный, поправив на плече автомат, хмуро посмотрел на документы.

— Имя?

— Денис Хорошев.

— Куда направляешься? — спросил на хорошем русском без всякого акцента и гыкания.

— В деревню Морозово, — Денис осекся, — простите, я забыл ее новое название.

— Ничего, выучишь еще. Цель визита?

— У меня там мама больная. Иду проведать.

Дежурный внимательно осматривал его, изучал столь дотошно, что Денис начал сомневаться, уж не государственный ли он преступник ненароком.

— Смотри не балуй. Если что увидишь или услышишь, обязан заявить в нацполицию. Скроешь информацию — пойдешь в лагерь на десять лет за пособничество.

Денис кивнул.

— Слава демократии!

— Героям слава!

Денис не верил своему счастью — не били, не унижали, не заставляли пить мочу, а просто взяли и пропустили. Вот что значит попасть на хорошую смену!

Как только КПП скрылся из виду, Денис сошел с дороги. Он в последний раз оглянулся на город — окраину и спальные районы съела тьма, свет был только в центральной части, у богатых.

— Свобода от электричества, — прошептал Денис, — молодцы, хорошо придумали, мозговитые вы ребята, ничего не скажешь.

Он расправил плечи, сделал шумный вдох-выдох, избавляясь от того, что за сегодня наслушался, насмотрелся, напереживался. Откашлялся, вспомнив сигарету сотника Мыколы. А затем пошел в лес, который с детства знал как свои пять пальцев. На расвете Денис был уже у тайника: рюкзак, армейские сухпайки, фонарик, нож, пистолет, патроны, сигареты, документы на имя Сергея Олейника, зажигалка. Он сделал этот тайник сразу после начала военной операции европейских партнеров «Усмирение России» и не пожалел. Многие мужики, развесив уши, ждали каких-то действий от последнего президента, но кто ж друзьям и партнерам будет оказывать противодействие! Так многие мужики и сгнули, и себя не спасли, и семьи загубили.

Денис неспешно позавтракал. С наслаждением выкурил сигарету. Оглянулся, осмотрелся, порадовался речной прохладе, идущей от водохранилища, заулыбался расцвету. Словно все было, как и раньше. Словно не случилось беды и геноцида, голода и нищеты, тотального уничтожения.

Идя по лесу, чувствовал, что оживает. Душа распрямлялась, потягивалась. Эх, надежда, пустила все-таки корни.

Взойдя на возвышенность, долго и грустно смотрел на когда-то мощный и уникальный бывший Новосибирск, а теперь серый депрессивный город № 36.

Небо было чистым и звонким, природа раздольной. От огромного пространства и невероятной, почти космической красоты кружилась голова. Сибирь!

На окраине леса Денис увидел большой камень, его явно недавно притащили. Подойдя к нему, обомлел. Кто-то с чувством и толком, со знанием дела выбил текст: *«Мы — русский народ. Народ-победитель. Народ-труженик. Это наша земля. Наши города и заводы. Мы будем драться за Русскую землю. Вставай на борьбу, русский народ!»*

Денис громко рассмеялся, до слез, до боли в душе. Затем внимательно осмотрелся. Вроде тихо. Еще не хватало нарваться на волонтеров, те не задумываясь сдадут в нацполицию.

Чуйка у сотника Мыколы отменная.

Перекинув рюкзак через плечо, Денис пошел в сторону бывшего Кемерова.